

Мелкие уловки Господина Наставника были для него очевидны — тот явно пытался привлечь внимание Второго принца, и он был уверен: с таким обаянием успех неизбежен.

И действительно, не прошло и мгновения, как Гу Циянь клюнул.

Его так и тянуло к этой кошачьей лапке. Притворившись, что случайно оборачивается, он встретился взглядом с невинными глазами Господина Наставника. Те пронзительно-синие глаза, прекрасные, как звёздное море, словно могли затянуть в свою пучину.

«Получилось!» — мысленно похвалил главный евнух, и на его губах появилась ухмылка старого лиса.

Пэй Мяо и Гу Циянь несколько секунд смотрели друг на друга. Лапка, тянувшаяся к жареной рыбе, так и не отдернулась. Вместо этого Пэй Мяо мягко мякнул — тот звук был настолько нежен, что, казалось, сочился сладостью.

В одно мгновение все принципы и обиды Гу Цияня растаяли.

Пэй Мяо был чуток к чужим эмоциям. По выражению лица Гу Цияня он сразу понял: тревога миновала.

Он оставил попытки дотянуться до рыбы и прыгнул прямо на руки Гу Цияню, вытянул шею, чтобы потереться головой о его подбородок. Кошачьи глазки прищурились, из горла потекло довольное мурлыканье. Было до крайности мило.

Каким бы сильным ни был гнев Гу Цияня, тот растаял от таких ласк. В его глазах вновь заблестела улыбка, всё существо будто озарилось весенним теплом.

Он поднял руку, на мгновение замер, а затем положил её на спину Пэй Мяо и принялся нежно поглаживать шерстку, один раз за другим. Но по-прежнему молчал.

Ванцай украдкой показал главному евнуху большой палец. Тот с гордостью выпрямился и прошептал: «Учись. Когда Его Высочество и Господин Наставник слегка ревнуют друг к другу — это называется игрой. С нашим Наставником успокоить Второго принца — пара пустяков, достаточно немного понежиться».

Стоявший рядом Сяо Доуцзы согласно кивнул: «Стоит Господину Наставнику появиться — даже нежиться не нужно, принц сам смягчится».

«Вздор! — отрезал главный евнух. — Как можно говорить, что принц “смягчится”? Правильнее сказать, что Господину Наставнику и нежиться-то не надо — принц сам “затвердеет”».

Ванцай пошатнулся, едва не упав.

Их хозяин был всего лишь котёнком! Неужели их разговоры должны быть такими откровенными? Дворец Чансинь становился всё менее безопасным местом.

Верный евнух Ван уже размышлял, как бы поскорее вернуть своего господина в Чертог Юннин.

Вернувший себе расположение Господин Наставник блаженствовал на руках у Гу Цияня. Передние лапки свободно обхватывали руку принца, он лежал на спине, лениво принимая подносимые ему кусочки жареной рыбы. Пушистый хвост то и дело скользил между ног Гу Цияня, вызывая лёгкое щекотание.

В комнате повисла сладкая, почти приторная атмосфера. Проявив такт, главный евнух выпроводил всех слуг, оставив достаточно места для примирившихся человека и кота.

Большая часть рыбы была съедена. Пэй Мяо отрыгнул и отказался от следующего кусочка.

Гу Циянь положил остаток обратно на блюдо и молча принялся гладить пушистый животик. Ладонь ощущала нежность шёрстки, и он готов был утонуть в этом чудесном ощущении.

Пэй Мяо, наевшись, тут же захотел спать. Избавившись от прежних тревог, он полностью расслабился. Глаза полуприкрылись, и он погрузился в дремоту на руках у Гу Цияня.

В тот миг, когда сон уже почти сомкнул его веки, всё молчавший Гу Циянь наконец заговорил. Казалось, ему было трудно подобрать слова. Помолчав, он произнёс: «Мяомяо, не сближайся слишком сильно с моим третьим братом. Я... буду ревновать».

«???» Пэй Мяо мгновенно проснулся и уставился на Гу Цияня в полном недоумении. Ревновать? Звучало это как-то... слишком уж интимно.

Он уставился на принца своими кошачьими глазами, внимательно разглядывая того, и наконец вынес вердикт: «Подростковая ревность».

В конце концов, перед ним был всего лишь тринадцати- или четырнадцатилетний отрок. Пусть он обычно вёл себя степенно и обладал внушительной аурой, жизненного опыта у него было маловато, да и возраст — самый что ни на есть чувствительный. Ревность из-за страха, что лучшего друга у тебя отнимут, — вполне естественное чувство. Поставив себя на его место, Пэй Мяо мог понять Гу Цияня.

Он подставил голову под ладонь принца, нежно потёрся макушкой и мягко мяукнул. Кошачьи глазки блаженно прищурились, уголки губ приподнялись, и весь он словно растаял от тепла.

Гу Циянь, разумеется, был польщён. Он обнял его ещё крепче и прошептал на ухо: «Мяомяо, я буду к тебе хорошо относиться. Очень-очень хорошо». Настолько хорошо, чтобы в твоих глазах не осталось никого, кроме меня.

Если раньше он приближался к Пэй Мяо из-за любви к Господину Наставнику, то после этих месяцев общения он хотел быть добрым к нему уже просто потому, что это был Пэй Мяо, вне зависимости от его статуса.

Заботиться о Господине Наставнике — занятие, вызывающее привыкание.

Тем временем Третий принц, выйдя из Императорского сада, направился напрямиком в Дворец Чжаоян.

Драгоценная супруга Сяо вкладывала меч в ножны. Холодный отблеск стали на миг мелькнул в её глазах, придав её алым одеждам оттенок холодной, отточенной красоты.

— Матушка, — почтительно поклонился Гу Цимин, замерши по стойке «смирно» поодаль.

Драгоценная супруга Сяо обернулась, холодно кивнула и жестом пригласила его сесть, сама же заняла место повыше. Нахмурившись, она окинула его взглядом:

— Ты снова набедокурил?

Гу Цимин глянул на грязь на своём платье, отмахнулся и беспечно молвил:

— Ничего особенного. Просто встретил в Императорском саду Господина Наставника и немного с ним поиграл.

Драгоценная супруга Сяо не стала комментировать. Подняв чашку, она отпила и сказала:

— Ты только что вышел из-под домашнего ареста и уже осмелился приставать к Господину Наставнику? Мало тебе было наказания?

Услышав это, Гу Цимин фыркнул:

— Меня наказал не отец, а второй брат. Да и не приставал я к Господину Наставнику — просто хотел с ним подружиться. Но второй брат слишком уж ревнив: держит Господина Наставника так близко, что подступиться невозможно.

Драгоценная супруга Сяо на мгновение замерла с чашкой в руке, затем спокойно поставила её на столик. В глазах мелькнула тень:

— Циянь и вправду так дорожит Господином Наставником?

— Ещё как! Бережёт пуще глаза, — проворчал Гу Цимин, хватая со стола печенье и откусывая.
— Во дворце уже шепчутся, будто второй брат ради Господина Наставника готов и от трона отказаться.

— Отказаться от трона? — взгляд Драгоценной супруги Сяо стал пристальным. — Кто смеет распускать такие слухи? Дела императорской семьи не подлежат обсуждению. Некоторые чересчур обнаглели.

Гу Цимин съёжился, сунул в рот ещё одно печенье и пробормотал:

— Дыма без огня не бывает. Если слухи правдивы, то Императрице есть о чём беспокоиться. Она-то возлагает на второго брата большие надежды.

Он взглянул на помрачневшее лицо Драгоценной супруги Сяо, отряхнул крошки с рук и подскочил к ней, ухмыляясь:

— Матушка, вы ведь не хотите разочаровать Императрицу?

Драгоценная супруга Сяо посмотрела на него и промолчала.

Гу Цимин не обратил на это внимания и продолжал:

— Честно говоря, я и сам догадываюсь. Вы с детства были к Императрице особенно внимательны. Хотя во дворце и говорят, будто вы соперничаете с ней за благосклонность императора, на деле-то всё не так.

Драгоценная супруга Сяо напряглась и наконец-то взглянула на сына, которого столько лет игнорировала. Нахмурившись, она спросила:

— Кто тебе это рассказал? Откуда ты знаешь?

Гу Цимин фыркнул:

— Говорят же: сын мать знает. Мне никто не рассказывал. Но я вырос под вашим надзором, да и в армии провёл достаточно времени, чтобы кое-что понять. Поначалу, конечно, был

шокирован, но народ Великой Юй нравы имеет вольные, подобное и в простонародье не редкость. Подумал я да и смирился. Так что, матушка, вам больше нечего скрывать.

Драгоценная супруга Сяо на миг застыла, а затем горько усмехнулась:

— Даже ты разглядел, а она... ничего не замечает. Не знаю уж, действительно ли она так простодушна или просто притворяется.

Она помолчала, затем вновь взглянула на Гу Цимина:

— Ты сказал, есть способ не разочаровать... Цзинь?

Гу Цимин вздрогнул, услышав, как мать называет Императрицу «Цзинь». В душе он закатил глаза:

— Способ прост. Если Господин Наставник будет со мной, все проблемы разрешатся.

Драгоценная супруга Сяо на мгновение опешила, затем молвила:

— Наивная у тебя вышла затея.

Гу Цимин подавился собственными словами. Через мгновение он упрямо выпрямился:

— Матушка, не стоит меня недооценивать! Ваш сын тоже статен и хорош собой. Что до воинского искусства — среди принцев мне нет равных, разве что второй брат может сравниться. Уж остальных-то я точно превосхожу. Кто знает, может, Господин Наставник именно на меня и обратит внимание.

<http://bllate.org/book/16288/1467867>